Все летнее детство довелось мне провести организованно: сначала на детсадовской пригородной даче, позже — в заводском пионерском лагере, расположенном в чудесном сосновом бору, по соседству с неторопливой мелкой речушкой. Навсегда запомнился необычный цвет ее воды — горчично-коричневый с золотистыми проблесками, хотя была она вполне чистой, манила прохладой и приятно освежала в жаркий день. Над поверхностью ее всегда вились стрекозы — от красавиц с изящным голубым тельцем до здоровенных, трещавших крыльями «громовиков».

Этот лагерь, проведенное в нем счастливое беззаботное детство занимает особое место в моем сердце: на протяжении всей жизни прихотливая память время от времени упорно возвращает в эти места, в безвозвратно ушедшие годы…

В семье у нас существовал ритуал — «собрание совета в Филях»: обычно в конце апреля мама увлекала нас с папой за стол

строить планы на лето, хотя набор рекреационных мероприятий был известным. Вакации[1] заранее, как правило, оказывались предопределенными: отец — известный заводской агитатор-пропагандист[2] — часто получал в профкоме путевки в дом отдыха или санаторий, причем, именно летом. Меня традиционно отправляли «подышать сосновым воздухом» в лагерь — это называлось «летними гастролями». Мама же отдыхала от нас и стояния у плиты.

Так продолжалось примерно до моего тринадцатилетия, и однообразное лагерное бытие начало надоедать, но этот сезон запомнился мне на всю жизнь.

С детства я ненавидел ходить строем и с трудом терпел массовые мероприятия под чьим бы то ни было дирижированием, подсознательно чувствуя принуждение, граничащее с насилием. Именно по этой причине с удовольствием гонял в лагере с пацанами в футбол-волейбол, играл в настольный теннис, другие подвижные игры, в меру дрался. Но всегда избегал участвовать в конкурсах песни и строя и ходить на отрядное место, называя его «отхожим», чтобы не выкладывать там зелеными нераспустившимися сосновыми шишками название отряда, как всегда, пафосное — что-то вроде «Победители», «Факел Данко» или даже «Зверобой». Явно кому-то из наших вожатых-воспитателей, практикантов-филологов местного педвуза романтизм Максима Горького и Фенимора Купера крепко запал в душу.

Чтобы не участвовать в этих «массовых гуляниях», я нередко, нарушая строгий запрет, тайком пролезал под довольно высоко закрепленным от земли забором, огораживавшим территорию лагеря, и, уединившись, бродил по окрестному лесу. Одна из таких прогулок запомнилась мне навсегда.

Места вокруг и впрямь были чудными: густой сосновый лес укутывал слегка всхолмленную местность, в недалекой низине протекала речонка, сплошь поросшая по берегам непролазным тальником и кустами боярышника. Кое-где в забоках можно

---

[1] Вакация – то же, что и отпуск, каникулы (устар.)

[2] Общественная должность, то же, что и политинформатор.

было нарвать сизой, необыкновенно вкусной ежевики, а прогретые июньским солнцем полянки белой пеной покрывала цветущая земляника, которая через неделю-другую обещала одарить неповторимо ароматной ягодой[3].

Сколько помню себя, всегда любил лес, особенно окружавший город сосновый бор; в школе мне нравились занятия по естественным дисциплинам, в том числе и ботаника, поэтому я неплохо различал растения. Такие прогулки были для меня негромким восторгом единения с природой: притихший лес весь прошит ярким солнцем, изумрудные кусты шиповника еще не сбросили своих розовых и сиреневых цветков, кровавыми брызгами блестела в траве костяника, протягивая на высоком стебельке свои маленькие гроздья — сорви меня. Остро пахнувшие кусты бирючины, которую у нас зовут волчьей ягодой, гордились крупными, не успевшими еще потемнеть и окраситься фиолетовой южной ночью соцветиями. Высоко в небе медленно кружила пара коршунов, высматривая добычу и резкими визгами перекликаясь между собой. Воздух вокруг был наполнен мудрым покоем.

Открывшаяся передо мной небольшая лужайка притягивала взгляд одиноким «пьедесталом» — останком вековой сосны спиленной, видимо, недавно — уж больно велик был этот пахнувший смолой довольно высокий пень. Я знал, что в бору иногда делают специальные рубки ухода, освобождая лес от больных и переросших деревьев, и сосна, скорее всего, была из таких.

Повинуясь внутреннему побуждению и подойдя к пню, я прилег, закинув за голову руки, на это «ложе», полностью почти уместившись на нем. Перед глазами высился далекий круг ярко-синего неба, окаймленного величественными соснами и слегка подсвеченного золотившими его солнечными лучами. Оглядевшись, новым взглядом отметил и резную тень клена на траве, и нежную рыже-бронзовую даже не кору еще — кожицу

---

[3] Сегодня, вспоминая эти ягодные поляны, мне, конечно же, представляются знаменитые битловские «Strawberry Fields Forever», названные так потому, что в местечке с таким же названием располагался детский лагерь «Армии Спасения», где провел часть своего отрочества один из авторов песни Джон Леннон.

сосенки-подростка, и выделявшийся красным пятном куст старого барбариса…

Притихла земля, отдаленные звуки плыли и качались в воздухе, как дым. Я почувствовал вдруг, как меня, ошеломленного, охватывает невыразимая радость бытия, казалось, за спиной выросли крылья, и я могу взмахнуть ими, подняться над зачарованным лесом, речкой, над всем необъятным и оробевшим на мгновение миром.

Постепенно меня пленило странное чувство: присмирелая бесплотная душа моя будто готовилась к некоему великому изменению, небывалому перелому, возникло предощущение чего-то никогда ранее не испытанного: призрачное новое виденье мира, ставшего огромным, манившим, волнующим и обещавшим совершенно новые впечатления. Боль и слезы восторга неожиданно поразили меня, венчая наступление новой поры — я осознал, что, кротко улыбнувшись на прощанье, уходит детство…

Дрожь, пронзившую меня, было не унять, а перед мысленным взором пронеслась вся моя короткая жизнь. Я вспомнил, почувствовал запахи и звуки быстро отдалявшейся поры — мамины колыбельные песни, голос сестры, читавшей мне сказки, вкус подгорелой каши в детском саду, тревожные запахи поликлиники, в которую меня водили на прививки, первую рыбалку с отцом, когда я поймал на удочку крохотного гольянчика, напугавшего меня своей живой изворотливостью.

Интуитивно я понимал — наступает неизведанная и волнующая своей непредсказуемостью пора юности.

Последовавшие через неделю события довольно драматично подтвердили мое предчувствие. Сезон заканчивался, наступило последнее воскресенье июня, на которое традиционно приходился праздник — День молодежи. Наша вожатая вернулась из города вместе с автобусом, на котором прибыл развлечь нас ради торжества заводской духовой оркестр, и привезла нам несколько бутылок лимонада и пакет свежих пряников. Отрядная братва накинулась на забытые за сезон лакомства, и я, дежуривший на свою беду в этот злополучный день по палате, захватив пустую тару, пошел выбросить мусор в специальный ящик у забора. Шел я босиком и, как музыкальный мальчик, взяв две стеклянных

бутылки за горлышко, стал выстукивать ими ритм оркестра, бравурно гремевшего на весь лагерь. Конечно же, одна из бутылок разбилась, и, конечно, я наступил на остро торчащий стеклянный осколок, предательски попавшийся как раз мне под правую ногу.

Помню, как, еще не почувствовав боли, схватился за ступню и меня поразил непривычный вид глубокой раны: плоть была белой — видимо, кровь из рассеченных сосудов не успела пропитать ее края. Опрометью, побросав мусор, я вприпрыжку, почти не опираясь на травмированную ногу, понесся к медпункту — специально оборудованному всем необходимым для оказания экстренной помощи домику, в котором постоянно дежурила медсестра.

Быстро обработав рану и туго перевязав ступню, она вкатила мне какой-то укол, и мы поехали на имеющейся для подобных случаев старенькой легковушке — заводской порядок царил и в пионерлагере — в город. Через полчаса я уже сидел, тихонько поскуливая, в приемном покое горбольницы, а еще через некоторое время, лежа на кушетке у хирурга, с ужасом наблюдал, как он, захватив похожим на ножницы инструментом полукруглую иглу с довольно толстой ниткой, направляется ко мне. Обколотая новокаином ступня чувствовала тем не менее довольно болезненное покалыванье, но через несколько минут врач весело произнес незнакомое слово «аллес» и сказал, чтоб я больше к нему не попадался. На этом экзекуция закончилась, сестра сноровисто перебинтовала ступню, и я, промямлив что-то вроде «спасибо, дядя», прошкандыбал к машине, где мне помог уместиться на сиденье шофер и, спросив адрес, покатил к моему дому.

Длинный, полный впечатлений день уже закончился, в темноте мы въехали в тускло освещенный наш двор, и я заметил еще издалека стоящих на балконе родителей, которые теплыми летними вечерами любили подышать на нем свежим воздухом. Увидев меня, неуклюже выбиравшегося с поджатой перебинтованной ногой из машины, они быстро сбежали с третьего этажа, ахая и причитая. Я едва успел скороговоркой успокоить их, сказав, что ничего страшного не произошло, и все мы, сердечно поблагодарив сестричку и шофера, направились в дом.

Так закончилась вместе с детством моя последняя летняя «гастроль», и только много лет спустя, влекомый неудержимым ностальгическим чувством, я впервые вернулся в эти места. Лагерь мало изменился: те же зеленые домики, карусели и качели, тот же единственный бревенчатый корпус и привычный неумолчный ребячий гомон.

И лишь на заветную поляну я так и не пошел, боясь расплескать то щемящее чувство, которое пронес через всю жизнь, — не хватило смелости. Недаром ведь говорят: «Не возвращайся туда, где был счастлив»…